

переводчиков, создававших тексты переводных библейских и богослужебных книг.¹³⁵

Относительная языковая самостоятельность переводных памятников первого типа явственнее всего проступает при сравнении их синтаксического строя с синтаксическими конструкциями оригиналов. Эта самостоятельность проступает не только во всех случаях отклонений от оригинала, но и тогда, когда перевод по своим синтаксическим моделям точно воспроизводит структуру подлинника. Наблюдения над текстами древних евангельских переводов, которые были произведены Р. Ружичкой¹³⁶ и частично восполнены нами, позволяют сделать вывод, что синтаксические модели в этих переводах при всей их дословности и текстуальной близости к оригиналам отнюдь не повторяют механически конструкций греческого синтаксиса. Структура предложений и словосочетаний в древнейших славяно-русских переводах ни в какой степени не может быть признана только калькой с переводимого оригинала. Так, например, греческие примененные словосочетания с несогласованным определением, выраженным родительным падежом имени в значении принадлежности и других, всегда передаются при помощи славянских конструкций с согласованным определением, выраженным притяжательными или даже относительными прилагательными. См., например, текст евангелия от Матфея (гл. I, ст. 18): ἡ Ἰησοῦ Χριστοῦ γεννησις — «христово рождество» (Остромирово евангелие, л. 247); евангелие от Иоанна (гл. XX, ст. 19): διὰ τὸν φόβον τῶν Ἰουδαίων — «за страх иудѣискъ» (Остромирово евангелие, л. 10 об.).

Прилагательные и местоимения множественного числа среднего рода, взятые в субстантивированном значении, передаются в старославянских текстах всегда формами множественного числа среднего рода в абстрактно-обобщенном значении: «мънога», «ина», «зълая», «благая» и др. Если в греческом при таких подлежащих сказуемое всегда выражается глагольными формами единственного числа, например πάντα ῥεῖ — «всѣ течет», то в старославянских и древнерусских текстах сказуемое, как и в латинском языке, имеет только форму множественного числа. См., например, текст евангелия от Иоанна (гл. I, ст. 3): πάντα διαύτου ἐγένετο — «тѣмъ вьса быша» (Остромирово евангелие, л. 1).

Своеобразное неполное совпадение синтаксических моделей между переводом и подлинником наблюдается при передаче греческого родительного определительного дательным того же значения и греческого оборота genitivus absolutus — так называемым «дательным самостоятельным». Наблюдения Р. Ружички очень показательны в указанном отношении. Так, например, в тексте евангелия от Луки (гл. X, ст. 36) при греческом Τίς οὖν τούτων τῶν τριῶν δοκεῖ σοὶ πλεῖστον γεγονέναι τοῦ ἐμπέσαντος εἰς τοὺς ληστὰς в славянском читаем: Къто оубо тѣхъ три искрнии мьнить ти сѧ быти въпадъшомуу въ разбоинныкы» (Остромирово евангелие, л. 103 об.). Здесь дательный падеж субстантивированного причастия «въпадъшомуу» соответствует греческому родительному падежу и зависит от субстантивированного прилагательного «искрнии». Тем самым в этом примере проявляется характерное для всех славянских языков, но особенно ясно проявляющееся в русском просторечии, стремление употреблять зависимое

¹³⁵ Ср. аналогичное положение при переводах на древние германские языки с латинского и отчасти с греческого. См.: И. М. Маковский. Об определении автохтонности синтаксических моделей при анализе «отклонений от оригинала». — Вопросы языковедения, 1961, № 1, стр. 99—105.

¹³⁶ R. Ružička. Griechische Lehnsyntax im Altslawischen. — Zeitschrift für Slavistik, В. III, Hf. 2—4. Berlin, 1958, стр. 173—185.